

Жизнь с понедельника

ВО ВРЕМЕНА, когда мир помешан на войнах и насилии, когда все кричит о конце света, **Отар Иоселиани** снимает фильм за фильмом, где ни тени политики и социального пафоса, но все проникнуто человечностью и все отдано на откуп самой жизни. Добрый и мудрый, острый глаз талантливого художника скользит будто бы по поверхности жизни, но в каждой секунде, каждом промельке немудрящих этих скольжений непостижимым образом, как это и свойственно истинному искусству, схвачена самая

ее, жизни, сердцевина. Режиссеру с мировым именем, неоднократно лауреату самых престижных международных кинофестивалей (Канн, Берлин, Венеция) недавно вручили в Берлине за новую картину "Утро понедельника" "Серебряного медведя".

Признак настоящего в кино - это когда невозможно пересказать, о чем картина. Так и с "Утром понедельника". Разве это всего лишь история про человека средних лет, среднего достатка, средней внешности, работяги и отца семейства, внезапно решившего выпасть из монотонно-привычной действительности, прыгнуть с подножки жизни? Да, формально это сюжет картины, в двух словах, но экранное действие длится два часа. Мастер умеет самое банальное, намозолившее глаза, привычное и даже убогое в быту снимать неожиданно, с нежностью и юмором.

Старые стены невзрачного пригородного дома, стоптанные боты у порога, простенькая мебель. Изюм в день схожий, способный свести с ума распорядок жизни: будильник, кофе, расплывшаяся супруга в неизменном балахоне, дети, переполненный трамвай, курение на ходу, фабричные ворота, обед на ходу, вечер, ужин, супруга с дежурным поцелуем, дети, пижама, ночная рубашка в рюшечках, койка... Неужели вот ради этой размеренной, как ход часов, расписанной по секундам повседневности рождаемся мы на свет? Иоселиани, по его словам, "сделал комедию о печальной обязанности человека подчиняться правилам этого мира".

Герои Иоселиани и в этой дивной, светлой картине, и в предыдущей, "Истина в вине", пытаются вырваться, уйти, улететь, уплыть. Лекарство от жизни - то это самое вино, то фантазии и мечты, то творчество, то путешествия в небо, в море. Человек должен иметь свою, пусть и иллюзорную, нишу, где он мог бы хотя бы на время опустить шторку над действительностью, опостылевшей, хотя и милой и симпатичной. Где он мог бы предаться бездумной праздности, которая, по Чехову (от которого очень много "отражений" в эстетике и мировоззрении Иоселиани), есть важнейшая составляющая человеческого счастья. А где предаваться хмельной веселой праздности, как не в Венеции? И герой движется из французского своего предместья в этот город-миф, и плывет в катере по его каналам, и взирает на него с крыш, и беседует по душам с незнакомцем, не зная языка...

Но праздник, вопреки известному утверждению, не может быть всегда с тобой. Мир и люди везде одинаковы, меняются лишь декорации, антураж. Этот фильм - так сказал Иоселиани - еще и "о невозможности изгнанничества: надеяться найти счастье где-то еще - значит, питать иллюзии".

Марина МУРЗИНА

Аргументы и факты - 2003 - окт. (№ 4) - с. 21